

Оружие и обычаи войны у черкесов

Рецензия на монографию А.С. Мирзоева: Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье – Новое время). Нальчик, 2021.

Хотко С.Х.*

«Под властью России черкесы не могли бы сохранить той степени благосостояния, какой достигли собственными силами... Западные черкесы, адыге, жили независимой жизнью больше веков, чем сколько существует сама Россия»¹.

Лев Тихомиров. Тени прошлого.

Под самый занавес 2021 года в издательстве Марии и Виктора Котляровых в Нальчике вышла в свет крупноформатная книга Асланбека Мирзоева (Марзая), являющаяся итогом его более чем 30-летних исследований в области истории и культурной антропологии черкесов (Мирзоев). Первое обобщающее исследование военной культуры черкесов было создано ученым в 2004 г. в крайне непростых для него условиях, но уже очень достойно

* Самир Хамидович Хотко, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, 385000, Россия, Республика Адыгея, Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13. Тел.: (8772) 52-16-23, e-mail: inalast@mail.ru

Samir Hamidovich Khotko, Doctor of History Sciences, Leading Researcher, Ethnology Department, Adygean Republican Institute of Humanitarian Researches named after T.M. Kerashev, 385000, Republic of Adygea, Maykop, Krasnooktyabrskaya St., 13. E-mail: inalast@mail.ru

¹ Тихомиров Л.А. *Тени прошлого. Воспоминания* / Сост., вступ. статья и примеч. М.Б. Смолин. М., 2000. С. 129.

(Received/Дата отправления: 11.02.2022; Accepted/Дата принятия: 22.02.2022)

отражало проблематику (Марзей (Мирзоев)). Рассматриваемая здесь монография — это, по сути, докторская диссертация по специальности историческая этнография.

Казалось бы, историография истории Черкесии насыщена работами, рассматривающими те или иные вопросы или аспекты военной культуры, но, тем не менее, созданная А.С. Марзеем монография является единственной обобщающей работой о военной культуре черкесов. Она имеет прямое отношение и к абазинам, поскольку этот наш братский народ был полностью интегрирован в адыгское социокультурное и военно-политическое пространство. Несколько отвлечемся и напомним здесь о том поразительном обстоятельстве, что до сих пор ни один адыгский историк не создал обобщающего исследования о Кавказской войне или о ходе черкесского сопротивления экспансии царской России. Что уж тут сказать: импульсы, посылаемые системой, чутко улавливаются на местах. Тем ценнее видится действительно подвижнический труд Асланбека Мирзоева.

Я посчитал необходимым начать рецензию с цитаты из Льва Тихомирова, которая вобрала в себя две стороны бытия: мирный труд и войну. Эта мысль говорит нам о том, что черкесы были не только выдающимися мастерами войны, но также у них шло поступательное экономическое развитие. Джеймс Бэлл писал о черкесах, как о наследниках пятитысячелетней независимости (Bell 405), что отражало как суть адыгской исторической памяти (древность и постоянная борьба за независимость), так и научные представления о Кавказе, сложившиеся к тому времени в Западной Европе.

Как древняя и включенная в евразийское культурное пространство культура, Черкесия оставила выдающееся культурное наследие, охватывающее процессы поступательного развития и взаимовлияния в сферах материальной и духовной культур, первичного производства, системы жизнеобеспечения, воинской культуры. Во взаимодействии с кочевническими культурами в черкесском культурном ареале сформировался оригинальный

всаднический комплекс, целый ряд компонентов которого известен на протяжении XIV–XIX вв. в многочисленных источниках документального и нарративного плана (русских, европейских, арабо-персидских, османских, крымско-татарских, грузинских) под определением черкесский: черкесская лошадь, черкесское седло, черкесский шлем (Двуреченский, Барышев, Бирюков 15-17), черкесский панцирь (*афэ* «кольчуга», *афэху* «кольчуга, покрытая серебром»; *дэщI* «латы»), черкесская сабля (адыг. *чатэ*, каб. *джатэ*) (Бобров 347-348). «В черкесском обществе, — подчеркивал выдающийся востоковед и исследователь истории оружия Михаил Горелик (1946–2015), — было много мастеров-оружейников, которые не только полностью и богато вооружали собственные контингенты, включая многочисленную панцирную конницу, но и снабжали оружием близких и дальних соседей по Золотой Орде. Надо отметить также высочайшее качество, а нередко и оригинальность и прогрессивность их изделий. Так, клинки часто были из сварного булата — дамасской стали. Черкесские мастера изобрели разновидность золотоордынской сабли — “черкесский клинок” с граненым штыковидным концом, проживший с этим названием многие века» (Горелик 80).

Всадническо-оружейный комплекс XIV–XVII вв., характерный для воинского класса Черкесии, получил определение «высокая черкесская культура» (Ривкин, Пинчо 75, 77, 86). В XVIII – первой половине XIX вв. эта культура продолжила свое развитие в условиях широкого распространения огнестрельного оружия и значительных изменений в военной тактике. К этому периоду относятся черкесская шашка, черкесская винтовка (Хотко 382-388), черкесский пистолет (Шереметев 211-215). О влиянии черкесов на эволюцию военной и материальной культуры кубанского казачества писали все или почти все «классики» историографии Кавказской войны и российского освоения Кавказа: Н.Ф. Дубровин, В.А. Потто, Ф.А. Щербина, др.

Поэтому достаточно естественно, что воинская культура черкесов очень долго заслоняла собой все другие аспекты их историко-культурного наследия. Это было обусловлено, в том числе, и затяжной Кавказской войной, в ходе которой черкесы, в союзе с чеченцами и дагестанцами, подали миру пример самой самоотверженной борьбы за свободу.

Большая часть историко-этнографических описаний XIX в., посвященных черкесам, основаны на описании военных традиций, военного потенциала, способов ведения военных действий. В этой связи, сложилась очевидная диспропорция в исследованиях черкесской культуры, которая представлялась как исключительно воинственная. Сложилась даже теория «набеговой экономики» (М.М. Блиев), согласно которой северокавказским горцам не хватало элементарных продуктов питания и они были вынуждены добывать их через организацию регулярных набегов. Таким образом, северокавказское пространство представлялось как нечто варварское, пребывающее на стадии военной демократии, как конституирующее иное. Вполне сложился образ «варвара у порога», с которым невозможен мирный диалог.

Заслугой А.С. Марзея я считаю то, что он предлагает нам совершенно качественно иное рассмотрение происхождения черкесского набега (см. первая глава, 4-й раздел: «Добыча и слава. Причины и мотивы военных походов»). Походы осуществлялись не для добычи, которая была лишь материальным свидетельством подвига, но не мерилom его. Поход и набег совершался ради славы. Было важно, как себя показал человек в столкновении с противником, насколько он был храбр, ловок и полезен для товарищей. Знать раздавала если не сразу, то неизбежно в ближайшей временной перспективе все, что добывалось в набеге. Категория щедрости здесь была настолько же важна, как и категория храбрости. Черкесы полагали, что тот, кто не щедр, то не знатен.

Черкесы и интегрированные с ними абазины-тапанта были единственным народом Северного Кавказа, который занимал обширные земли на равнине. Исследование А.С.

Марзея предоставляет нам весь необходимый материал для понимания того, каким образом представители земледельческой культуры могли нейтрализовать кочевническую угрозу, противодействовать ей, формировать эффективные меры воздействия на противника. В основании этого «ответа» на «вызов» (пользуясь категориями А. Тойнби challenge and response), находилась всадническая традиция. Этот важнейший инструмент в распоряжении черкесов позволял им на протяжении многих столетий сосуществовать с воинственными номадами, на приличных условиях входить в состав их государств (Хазарский каганат, Улус Джучи, Крымское ханство). Воинские всаднические навыки позволяли черкесам проводить независимую внешнюю политику, достигая Москвы, Вильнюса, Кракова, Астрахани, Тбилиси, Кутаиси, Тебриза. И крымские татары, и османы, и русские рассматривали черкесов как важнейший региональный военный ресурс, способный к быстрой мобилизации и участию в дальних экспедициях. Например, это проявилось очень четко во время османо-сефевидской войны 1578–1580 гг.

Фактически, вся воинская традиция и даже весь этногенез черкесов были обусловлены тысячелетним фактором Степи, борьбой и сосуществованием с ней. Перед нами типичное общество фронта (по концепции Фредерика Тёрнера), которое адаптировано во всех своих элементах к постоянному военному вызову. Это повлияло и на жилище, и на ментальность. Был выведен сорт проса, который засевался глубоко и прорастал на второй год, т.е. после того, как с пепелищ черкесских аулов уходили захватчики. Ставка на выращивание проса также видится в этом плане совершенно осмысленной, поскольку просо хранится в надлежащих условиях до 20 лет. Вся черкесская мебель и утварь была приспособлена к быстрой эвакуации: сундуки, анэ (столики), низкие табуретки, люльки, циновки, пр. Единственное монументальное сооружение в адыгском ареале — курган. Это и было «свидетельство собственности» на землю. Эвлия Челеби в 1666 г. отмечал, что весь Черкесстан покрыт

курганными могильниками. Курган являлся также маркером аристократизма, всадничества. Как подчеркнула А.М. Карстенс, «само существование впечатляющих гробниц, в которых были похоронены избранные люди, вероятно, подтверждало власть живых лидеров: мы всегда были здесь!» (Carstens 72).

Принципиально важный для понимания генезиса военной культуры черкесов раздел, на мой взгляд, это 1.8 «Культура войны. Правила ведения войны. Трансформация традиционных правил ведения войны в ходе Кавказской войны». Здесь автор дает нам понимание специфики черкесских обычаев войны, их отношения к войне как постоянному фактору их истории и повседневности. Наблюдения А.С. Марзея позволяют нам понять причины столь длительного и самоотверженного сопротивления черкесов экспансии Российской империи. Особенно важным видится отношение к смерти, требование биться насмерть и никогда не сдаваться. Это сформировавшееся веками правило воинского этиоса восходит к самым древним эпохам адыгской истории и для его понимания А.С. Марзей очень удачно использует «Илиаду», запечатлевшую отношение к войне, поединку и героизму бронзового века. Исследователь адресует нас также к труду Ф. Кардини «Истоки средневекового рыцарства», показывая насколько близки были воинские-рыцарские этиосы Западной Европы и Черкесии.

Энциклопедический характер носит глава II «Традиционная военная тактика и стратегия». Можно смело сказать, что без ее изучения любое новое обращение к проблематике военной истории черкесов будет иметь налет дилетантства. Это центральная часть исследования, в которой воссоздано воинское искусство Черкесии. Если первая глава может быть условно отнесена к категории Бусидо, поскольку реконструирует этиос воина, то вторая глава это своего рода Сунь-Цзы («Искусство войны»). Война у черкесов носила справедливый, оборонительный характер, если это была борьба с внешним противником (Крымское ханство,

Российская империя и т.д.). При таком характере столкновений от черкесов требовалось умение организовать оборону против массированного вторжения, что породило способы ведения арьергардных боев, партизанских вылазок. Но имели место и дальние кавалерийские рейды по тылам противника. В противоборстве с кочевниками эффективными были зимние нападения на их стойбища, сопровождавшиеся угоном скота. Менее масштабная война была феодальной и осуществлялась в форматах похода, набега, стычки. Фактически, не существовало традиции оккупации и, тем более, аннексии. Черкесская конница была в состоянии захватить Астрахань, что имело место три или четыре раза в первой половине и середине XVI в., но не с целью ликвидации ханства, но только с тем, чтобы обеспечить права и нахождение на троне того представителя правящего дома, который был союзником Черкесии.

Раздел II.4 «Наступательная тактика. Подготовка и организация военного похода» начинается с констатации: «Особенностью черкесской военной тактики было то, что при обороне своих территорий они использовали наступательную тактику. В этой тактике находила применение отработанная до совершенства институтом наездничества набеговая практика, дальние походы в глубь территории противника». Действительно, обороняться можно на «баррикаде», на крепостной стене, но это, по всей видимости, считалось черкесами проигрышной стратегией. Поскольку они имели дело с военными угрозами из Степи, то и оборона должна была быть мобильной. Неслучайно Джорджио Интериано писал о том, что черкесы считали возведение каменного жилища проявлением трусости. Так народ сам себе пояснял столь разительное отсутствие каменных строений и фортификаций при достаточно высоком уровне достатка, больших и регулярных доходах, которые получала местная знать от продажи зерна италийцам (генуэзцам и венецианцам). Дело в том, что размеры черкесской страны, ее можно представить в виде узкой полоски, прилегающей к обширному поясу евразийской степи, ее полная

проницаемость для сильных кочевых армий, заставила черкесов отказаться в принципе от строительства каменных домов. Все те народы, которые делали ставку на оборону крепостей, были безжалостно биты: грузины, армяне, аланы, русские. Тем более черкесы были неспособны строить крепости на дальних подступах к своему ареалу расселения, например, на Дону или в Восточном Приазовье. Для этого просто не было ресурсов и необходимой политической организации. Напомним, что даже очень мощное Русское централизованное государство смогло выйти в «Дикое Поле» только около 1600 года: когда стали строить такие города как Воронеж, Белгород и т.д.

Поэтому черкесы развили в себе способность состязаться с кочевническими армиями в их виде войны: в конных рейдах. В 1714 г. Герман Молл поместил на свою карту «Турецкая империя в Европе, Азии и Африке» «легенду», которая поясняет причину устойчивости черкесского социума во время значительных конфликтов с кочевниками: «Черкесы – воинственный народ, который не имеет укрепленных поселений, но доверяется своему оружию, а во время опасности отступает в горы» (Moll). Абри де ла Мотрэ отмечал, что черкесы силой отвечают на силу, и набегом – на набег (Motraye 33).

Исследование А.С. Марзея позволяет нам ответить на вопрос о том, откуда брались черкесские конные воины, способные участвовать в военных действиях на стороне регулярной российской армии в начале XX в. Вопрос не совсем очевидный, поскольку мы привыкли доверять письменным свидетельствам необыкновенной храбрости и действенности всадников Кавказской туземной кавалерийской дивизии на фронтах Первой мировой войны. Но надо иметь в виду, что российское правительство и представляющие его в регионе Северного Кавказа институции проводили целенаправленную линию на демилитаризацию местных народов и в особенности горских элит. После Кавказской войны имели место специальные меры: почти тотальное разоружение вплоть до того, что даже всадники-

черкесы на российской службе («милиционеры») для своей безопасности предпочитали не носить оружие за пределами аульских земель («юртов»). Даже черкесским князьям для ношения всего-навсего пистолета требовались особые разрешения от начальников Терской и Кубанской областей. Наконец, по существующим в Российской империи законам черкесов не брали на военную службу, да они и сами не горели желанием служить царю. Наконец, что очень важно понимать, были разрушены целиком или в значительной степени большинство социальных институтов адыгского общества, сама экономическая основа которого сократилась до «прожиточного минимума».

И вот, вопрос: как после 50 лет такой политики в значительном числе могли быть сформированы на добровольной основе два черкесских полка Кавказской туземной кавалерийской дивизии? Оказалось, и это самый подходящий ответ, что наши предки даже в условиях имперского угнетения, де-факто состояния сегрегации (в Кабарде после 1825 года, а в Западной Черкесии после 1864 г.), смогли сохранить и поддерживать на приличном уровне свои военно-спортивные традиции, систему воинского воспитания, воинского отношения к жизни и смерти. Этим аспектам посвящена глава IV «Система подготовки к воинской жизни». Сразу за ней идет глава V «Инкорпорация черкесов в военные структуры других государств и ее влияние на военную культуру», которая содержит два отличных раздела о том, как черкесы сражались и героически гибли во славу той самой империи, которая едва не похоронила их собственную страну: б.е «Кабардинская и Черкесские сотни в Русско-японской войне 1904–1905 гг.»; б.ж «Кабардинский и Черкесский полк «Дикой Дивизии» в Первой мировой войне 1914–1917 гг.».

Рассматриваемая работа представляет нам адыгское историко-культурное наследие в сфере военной культуры во всей его полноте. Хронологические рамки, означенные исследователем, охватывают приблизительно полуторатысячелетний период — от начала эпохи Великого

переселения народов до первой четверти XX в. Это правильно в том плане, что мы можем говорить о генезисе адыгской общности именно в эти века. Предшествующее античное время на Северо-Западном и Центральном Кавказе можно обозначить как синдо-меотское и кобанское соответственно. А.С. Марзей периодически делает отсылы в эту отдаленную эпоху и они вполне обоснованы, поскольку адыгская лошадь, например, восходит к той породе, которая была в распоряжении синдо-меотов. Наконец, конное войско меотов, с их развитым комплексом наступательного и оборонительного вооружения, которые резко отличали их от античной (греко-римской) традиции, позволяет увидеть древнейшие природно-географические и этнокультурные факторы формирования военной культуры местных племен.

Источниковая основа монографии А.С. Марзея охватывает весь существующий набор источников: архивные материалы, опубликованные документы, нарративные источники, полевые этнографические материалы, эпиграфические и археологические данные, собственно предметы вооружения и амуниции из частных и музейных коллекций, вексиллологические источники.

Абсолютно исчерпывающих историографических обзоров, наверное, не существует, но тот раздел книги, который содержит анализ историографических фактов, также выглядит весьма солидно. А.С. Марзей в этом отношении вышел далеко за пределы привычного регионалистски ориентированного подхода, при котором кабардинский специалист довольствовался в основном работами о Кабарде и том влиянии, которое она оказала на народы Северного Кавказа и казачество. Большой пласт историографии связан с кочевыми государствами, истории тех разнообразных контактов, которые обеспечивали взаимное влияние: хазаро-адыгское (касожское), кипчако-черкесское, золотоордынско-черкесское, крымскотатарско-черкесское, калмыцко-черкесское. Не случайно, что последняя крупная монгольская «волна» на Запад, представленная калмыками (ойратами), перевооружилась на черкесский манер, т.е. так, как это

сделали перед ними ногайцы обеих орд, Большой и Малой. Черкесский комплекс не сложился бы в столь, можно сказать, идеальный тип, если бы не постоянный вызов из Степи. В вековой борьбе с кочевническими армиями на просторах Северного Кавказа или азово-каспийского междуморья, адыги создали и необходимого им коня, и оружие, и тактику ведения войны.

Структура работы А.С. Марзея выработана в полном соответствии с целью комплексного изучения истории военного дела у адыгов.

Работа А.С. Марзея поднимает огромный лингвистический материал, почерпнутый по преимуществу из тотальной проработки словарей кабардино-черкесского языка, но во многом и из полевых исследований (собственных и многих предшественников). Реконструирован весь словарь военной культуры, а это более тысячи наименований, вплоть до видов пуль.

При всех своих очевидных достоинствах работа имеет некоторые недостатки. И это неизбежно в работе историка. В частности, ощущается недостаточная степень проработанности археологических источников, которые были бы крайне полезны для понимания генезиса наступательного и оборонительного вооружения. Для шлемов, панцирей и сабель это особенно чувствуется. Это важно в том плане, что на основе археологических данных черкесский регион видится и как влиятельный центр формообразования в области оружия и доспехов в западной части Монгольской империи, и как регион, военная элита которого испытала наиболее сильное влияние монгольской воинской традиции. Еще одно замечание хочется сделать в связи с явным уклоном работы в сторону Кабарды. Видимо это объясняет выпадение столь важного источника как Иосафат Барбаро, описавшего развитое всадническое сообщество княжества Кремук, который уже давно и убедительно сопоставлен с историческим Темиргоем (Кемиргоем русских и турецких источников), а также группой памятников белореченского типа.

В плане теории и историографии я ожидал обязательность опоры на работы Й. Хейзинги и Ж. ле Гоффа: тем более необходимые, поскольку автор углубляется в область истории ментальностей. Маститого Барасби Бгажнокова, оставившего нам непревзойденные труды по этике, этикету, образу жизни адыгской феодальной знати, все-таки хорошо было бы дополнить классиками исторической и культурной антропологии. Но это мое замечание отчасти снимается, поскольку есть хорошая опора на «Категории средневековой культуры» Аарона Гуревича.

В завершение выражу уверенность, что многие знатоки истории и культуры Кавказа, самые придирчивые коллеги по цеху кавказоведения, ознакомившись с текстом А.С. Марзея, присоединятся к моему мнению: мы получили очень качественное представление о том, что это был за исторический и культурный феномен — адыгское воинство.

Библиография

Bell J.S. *Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839*. Vol. I. L., 1840, p. 405.

Carstens A.M. "To bury a ruler: the meaning of the horse in aristocratic burials", *Cyprus: Religion and Society from the late Bronze Age to the End of the Archaic Period*. Möhnsee, 2005, p. 72.

Бобров Л.А. «Источники поступления сабель в казахские войска XVIII — середины XIX вв.» // *Военное дело улуса Джучи и его наследников*. Астана, 2012. [Bobrov L.A. «Istochniki postuplenija sabel' v kazahskie vojska XVIII — serediny XIX vv.» // *Voennoe delo ulusa Dzhuchi i ego naslednikov*. Astana, 2012.]

Горелик М.В. «Монголы и подвластные народы в Золотой Орде (этносоциальная самоидентификация и ее внешнее выражение)» // *Золотоордынское наследие*. Вып. 2. 2011. [Gorelik M.V. «Mongoly i podvlastnyye narody v Zolotoj Orde (jetnosocial'naja samoidentifikacija i ee vneshnee vyrazhenie)» // *Zolotoordynskoe nasledie*. Vyp. 2. 2011.]

Двуреченский О.В., Барышев А.В., Бирюков П.В. *Шелом черкасский*. М., Тула, 2012. [Dvurechenskij O.V., Baryshev A.V., Birjukov P.V. *Shelom cherkasskij*. M., Tula, 2012.]

Марзей (Мирзоев) А.С. *Черкесское наездничество «Зеклуэ»*. Из истории военного быта черкесов в XVIII — первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 302 с. [Marzej (Mirzoev) A.S. *Cherkesskoe*

naezdnichestvo «Zekue». Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII — pervoj polovine XIX veka. Nal'chik: El'-Fa, 2004. 302]

Moll H. *The Turkish Empire in Europe, Asia and Africa, Divided into all its Governments, together with the other Territories that are Tributary to it.* London, 1730. <https://www.raremaps.com/gallery/detail/54626/the-turkish-empire-in-europe-asia-and-africa-divided-into-moll>

A. de la Motraye's travels through Europe, Asia, and into part of Africa: with proper cuts and maps: containing a great variety of geographical, topographical, and political observations on those parts of the world, especially on Italy, Turkey, Greece, Crim and Noghiaian Tartaries, Circassia, Sweden, and Lapland... Vol. II. L., 1723.

Мирзоев А.С. *Генезис и эволюция традиционной военной культуры черкесов (Средневековье – Новое время).* Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. 400 с. + 32 с. вкл. [Mirzoev A.S. *Genezis i jevoljucija tradicionnoj voennoj kul'tury cherkesov (Srednevekov'e – Novoe vremja).* Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotljarovyh, 2021. 400 + 32.]

Ривкин К., Пинчо О. «Оружие и военная история Кавказа» // *Альманах «История оружия».* 2011. № 4. Запорожье, 2011. [Rivkin K., Pincho O. «Oruzhie i voennaja istorija Kavkaza» // *Al'manah «Istorija oruzhija».* 2011. № 4. Zaporozh'e, 2011.]

Хотко С.Х. «Черкесская винтовка и русский штуцер: соревнование людей, технологий и политических систем» // *Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции.* 3–5 октября 2018 г. Тула, 2018. [Hotko S.H. «Cherkesskaja vintovka i russkij shtucer: sorevnovanie ljudej, tehnologij i politicheskijh sistem» // *Mir oruzhija: istorija, geroi, kollekcii. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* 3–5 oktjabrja 2018 g. Tula, 2018.]

Шереметев Д.А. «Черкесский пистолет» // *Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований.* 2006–2007. СПб, 2007. [Sheremetev D.A. Черкесский пистолет» // *Lavrovskij sbornik. Materialy Sredneaziatsko-Kavkazskih issledovanij.* 2006–2007. SPb., 2007.]

